

Ирина АНТОНОВА

Воспоминания

ИСКУССТВ ИМ. А. С. ПУШКИНА

траектория
судьбы

Биография эпохи

Ирина Антонова

Воспоминания. Траектория судьбы

«Издательство АСТ»

2020

УДК 82.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Антонова И. А.

Воспоминания. Траектория судьбы / И. А. Антонова —
«Издательство АСТ», 2020 — (Биография эпохи)

ISBN 978-5-17-108290-1

Ирина Антонова – легендарный директор Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, где она проработала семьдесят пять лет. Женщина, которую знал весь мир. Те выставки живописи, что она проводила в музее, становились яркими культурными явлениями Москвы. С ней дружили президенты, политики и послы разных стран, считая для своих государств большой честью представлять музейные коллекции в московском Пушкинском музее. В своей книге она рассказывает о детстве, юности, военных годах, встречах с известными людьми (а среди них Марк Шагал, Илья Эренбург, секретарь Анри Матисса Лидия Делекторская) и о служении великому искусству. Книгу органично дополняют фотографии, отражающие не только события жизни автора, но и культурной истории страны за последние шестьдесят лет. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 82.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108290-1

© Антонова И. А., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Воспоминания	6
Коллеони и Конституция	6
Моя семья	8
Детские переживания	11
Два слова о религии	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ирина Антонова

Воспоминания. Траектория судьбы

Комментарии к фотографиям *Лилии Дубовой*

Портрет на переплете работы *Юрия Роста*

В оформлении книги использованы фотографии из архивов РИА Новости и ИТАР ТАСС

Издательство благодарит за помощь в работе над книгой сотрудников ГМИИ им. А.С. Пушкина – *Елену Волкову, Наталью Александрову, Маргариту Аксененко, Ксению Велиховскую, Ларису Платову*

© РИА Новости

© ИТАР ТАСС

© Л.С. Дубовая, комментарии к фото, 2021

© Издательство АСТ, 2021

Воспоминания Траектория судьбы

Коллеони и Конституция

Я пришла в Пушкинский 10 апреля 1945 года. Музей был в ужасном состоянии. Мы дежурили по ночам, чтобы в случае чего успеть спасти экспонаты от очередной протечки. Обходили три раза за ночь – целой комиссией.

И однажды, в первые дни после того, как я была назначена хранителем (а случилось это не сразу, где-то через полгода, потому что все-таки ко мне присматривались), мне снится, что я, как всегда, обхожу музей. Но в одиночестве. Иду по Итальянскому дворику и вижу, как Коллеони, тот самый, которого изваял Верроккьо, осторожно – очень хорошо помню – спускается с коня и направляется к выходу. Я еще подумала во сне: «Как он элегантен!» Но тут осознаю, что происходит, и меня охватывает ужас. Я же за него отвечаю, а он куда-то уходит! Я ему кричу: «Нельзя!» А он не слушает. Идет себе дальше. Я за ним. Даже не иду, бегу. Он шагает медленно, а я бегу быстро, но он все равно оказывается впереди меня. Понимаю, что его не догнать, но сама себя успокаиваю: «Ничего, он все равно не пройдет в дверь, она же низкая, а он выше. Не получится тебе, Коллеони, от меня уйти!» Потом смотрю: проем двери расширяется, и Коллеони выходит. И самое поразительное, что прямо в небо. Я вижу его силуэт и голову на фоне чистого неба. Такая картина может открыться только с определенной точки – у пьедестала, на котором стоит оригинальная скульптура в Венеции.

Когда спустя годы я в первый раз приехала в Венецию и на площади Санти-Джованни-э-Паоло увидела этот памятник на фоне неба, то сразу вспомнила свой сон. Возникло ощущение дежавю. Я очень удивилась этому своему впечатлению. Коллеони наяву как продолжение Коллеони из моего сна.

А когда я задумываюсь о своей жизни и память возвращает в прошлое, перед глазами сразу возникает другой памятник – на Тверской площади. Я очень хорошо его помню. Он был для нас местом встречи, местом притяжения, местом наших детских игр. Когда родители отпускали нас гулять, мы сразу устремлялись к этому монументу, а потом бегали вокруг и играли. У меня даже сохранился снимок: кто-то из взрослых везет на санках меня и мою подружку Амалию прямо к этому памятнику, а мы сидим, подняв вверх лица, и внимательно на него смотрим...

А теперь неожиданное. Нет, это был не памятник известному художнику – чего можно было от меня ожидать, – и его созерцание отнюдь не определило мою судьбу.

Мы жили в самом центре Москвы, на Тверской площади, недалеко от того места, где сегодня располагается мэрия. Которая, правда, существовала уже и тогда, только называлась иначе. А вот площадь в ту пору именовалась Советской, и на Советской площади стоял памятник с соответствующим названием «Монумент советской конституции», который венчала статуя Свободы, отлитая по эскизам Николая Андреева. Именно этот обелиск почему-то и стал для меня символом того времени.

Наша семья жила на втором этаже дома, в котором сейчас находится ресторан «Арагви». Дом в ту пору был гостиницей с просторными номерами и высоченными потолками. В этих номерах жили люди, и один такой, в котором выделили часть под кухню, принадлежал нам. Наши окна выходили прямо на памятник. Может быть, поэтому в моем детском мире он занимал такое большое место. Да и въяве это был внушительных размеров обелиск, в арки которого были вмонтированы бронзовые плиты с текстами статей первой советской конституции.

А потом памятника не стало. Почему он был взорван – мне до сих пор непонятно. Думаю, что это еще одно свидетельство безответственного и бездумного обращения с историческим прошлым. Кому помешал памятник историческому документу, зафиксировавшему переход от одной формации существования страны к другой? Это же совершенно знаковое событие, и не было ничего дурного в том, что его таким образом увековечили. Но что теперь об этом жалеть... От монумента не осталось и следа. А память моя хранит ту картину советского времени.

И если скользнуть мысленным взором по памятнику, по двору, обвести взором нашу комнату, то в ней обязательно проявятся дорогие для меня тени – мои мать и отец.

Моя семья

Когда меня просят рассказать о родителях и других близких мне людях, я всегда испытываю сожаление – могла о многом у них спросить, но почему-то не сделала этого. С годами я поняла, что мало знаю о родителях того, что мне хотелось бы знать. И это не отсутствие интереса к ним, к их жизни, а просто свойство, присущее юности. Все мы в юные годы не задумываемся о том, что, когда станем старше, проживем жизнь, нам захочется больше знать о своих родственниках, их жизни, которая была до нашего рождения, о том времени, в которое потом родились мы, росли и выросли. Мы не задумываемся о том, что однажды спросить станет некого.

Маминого отца, моего деда, я почти не помню. Знаю по сохранившейся у меня фотографии. С нее на меня смотрит колоритный бородатый мужчина, типичный представитель фундаментальной еврейской семьи. Он всего несколько раз приезжал к нам, когда мы жили на Советской площади. Я запомнила, как он со мной разговаривал. Даже не сам разговор, а интонации его голоса. Бабушку я вообще никогда не видела, но мама говорила, что у нее был весьма твердый и даже жесткий характер, совсем не такой, как у деда. Это была волевая женщина, которая исповедовала строгие семейные устои.

Мой другой дед, папин отец, и его сестры работали на крупной питерской ткацкой фабрике. Он тоже приезжал к нам в Москву. У меня сохранилась и его фотография. Если положить рядом фотографии двух моих дедушек, заметен забавный контраст: с одной стороны – бородатый, корпулентный, очень величественный еврей, с другой – тоже бородатый, но с чисто русской внешностью человек с пронзительным взглядом. Разница между ними столь разительна, что невольно вызывает улыбку у людей, которые смотрят на два эти портрета.

А я, глядя на фото дедушек, сожалею, что обеих своих бабушек не помню. Они никогда к нам не приезжали. Мамину маму я вообще не видела, а фотография бабушки со стороны отца у меня сохранилась.

Две мои кузины – дочери тети Мины – до сих пор живут под Екатеринбургом. Я у них бывала и часто общаюсь с ними по телефону. Но тоже ведь ни о чем толком их не расспросила. Может быть, они были умнее и что-то узнали у своей мамы? Может, они знают, как тетя Мина попала во время эвакуации на Урал? Может, могут сказать, почему они так там и остались?..

Мама родилась в Литве, но позже с родителями переехала на Украину, в Харьков. Семья по тем временам была не слишком большой: моя мама, ее отец и мать, братья и сестра Мина. Кстати, ее я почему-то запомнила очень хорошо – славная, милая, с прекрасным характером женщина, которая работала детским врачом.

Мама училась в гимназии. Потом, так как была очень музыкальна, поступила в Харьковскую консерваторию. Это случилось уже в годы Гражданской войны, поэтому мама не завершила обучение и не получила никакого документа, подтверждающего музыкальное образование. Главное, что она всю жизнь любила и прекрасно исполняла классику – Бетховена, Шопена, Шуберта. В квартире на Советской площади у нас не было своего инструмента, но в гостинице пианино было. И, поскольку мама умела играть, его просто поставили в нашу комнату. Под мамину игру, под звуки мазурок и вальсов прошло все мое детство. Музыка заполняла все пространство нашей комнаты, все время звучала в нашем доме. И продолжает звучать в моей памяти.

Мой отец – уроженец Смоленской области. Ко времени знакомства с мамой он уже довольно долго жил вместе с отцом в Петербурге.

Во время Гражданской войны отец служил в Красной армии. Вместе с ней он оказался на Украине. И однажды в Харькове познакомился с моей мамой, которая работала секретаршей в одном из многочисленных совучреждений, название которого в моей памяти не сохра-

нилось. Особых подробностей про то, как развивалось их знакомство, мама мне не сообщила, но закончилось оно тем, что в какой-то момент они вместе переехали в Москву. Отца перевели работать в столицу. И им дали ту самую комнату в роскошном здании в центре города с окнами, глядящими на памятник, с которого я и начала свой рассказ.

Поначалу он был простым электриком. Позже, уже в Москве, окончил инженерные курсы, а в дальнейшем занялся стеклом. В памяти сохранилась фраза: «Папа поехал на Гусь». Это означало, что он уехал в Гусь-Хрустальный на завод с инспекцией. А потом, несколько позже, стал директором экспериментального Института стекла. Его карьера резко пошла вверх.

К любой работе папа относился очень серьезно. Помню, что как-то раз он пришел домой, а у нас только что переставили розетку. Отец посмотрел и говорит: «Как они ее поставили? Ведь криво же!» – и тут же ее снял, разобрал и поставил ровно. К тому времени он уже давно занимал серьезную должность и не работал электриком, но к таким вещам относился внимательно: все должно было быть сделано правильно и аккуратно, так, чтобы не к чему придраться.

Отец был убежденным партийцем. Он рано вступил в партию – в 1906 году. Это не принесло ему каких-то высоких должностей, денег, карьерных успехов или славы. Но он до последнего гордился тем, что принадлежит к числу старых большевиков. И уже будучи совсем пожилым человеком, любил встречаться с детьми, со школьниками, рассказывать о прошлом, которое, как в зеркале, отражало эпоху.

При советской власти отец добился больших успехов в карьере. Он стал первым советским директором знаменитого питерского экспериментального Института стекла, чем страшно гордился, и говорил, что такую возможность подарила ему революция. Так что не все так однозначно и прямолинейно, как мы пытаемся представить. Отец оказался матросом революции, который смог стать капитаном.

Понимаю, что у читателя обязательно возникнет вопрос о Сталине. О нем папа в беседах со мной, да и с другими (естественно, я могу сказать только о том, что могла слышать и наблюдать), никогда ничего не говорил. Я не слышала от него ни одного упоминания имени Сталина. А вот о Ленине папа рассказывал – побывал на нескольких его выступлениях, но лично они не были знакомы.

Впоследствии я побывала в том институте, где работал отец, посмотрела, чем руководил. На стене висела его фотография. Значит, отца там помнили, он оставил о себе добрую память. Мне присылали оттуда письма, я посылала им какие-то важные для них документы.

Отец был человеком замкнутым, молчаливым, даже суровым. Я не помню, чтобы он меня когда-либо приласкал, погладил по головке, обнял за плечи, прижал к себе... Мама – да, а он – нет. Он был очень строгим, постоянно меня «воспитывал», легко мог сознательно задеть какой-нибудь резкой репликой. Как-то раз я неправильно сделала ударение в слове, и он меня очень обидно передразнил. Вообще, между нами всегда было какое-то напряжение, которое осталось на всю жизнь. Позже я думала, что на каких-то этапах жизни, когда папа постарел, я была к нему несправедлива, недостаточно мягка с ним. Думаю, тут играла роль обида, оставшаяся со мной с детства.

Да, скромные получились воспоминания. Часто думаю: почему я не расспросила маму о том, как она жила, о ее детстве, о юности? Я даже не знаю, как она училась, чем увлекалась в гимназии, в консерватории. Помню только, как она рассказывала, что к ним в консерваторию приезжал знаменитый американский пианист Горовиц. А зачем он приезжал? Не знаю. Почему бы мне тогда не спросить, какой у нее был преподаватель, с кем она занималась? Нет, не спросила. Это чисто детское отношение, уверенность в том, что мама всегда будет рядом, что она – навсегда.

Отца, так же как и маму, я почти ни о чем не расспросила. Поэтому ничего не знаю о своих деде и прадеде, которые погибли в Ленинграде во время блокады. Я не интересовалась, куда делись его братья Павел и Михаил, его сестры Ирина и Анна. Нам просто сказали, что

они погибли – и все. Может быть, папа ездил что-то узнавал об этом... Вот про детей дяди Павла я кое-что знаю. Они были эвакуированы. Одна моя двоюродная сестра живет на юге. А мой двоюродный брат уже умер. Я его видела, навещала в Ленинграде, когда он еще был жив.

Детские переживания

Однажды произошло тяжелое для нас с мамой событие: папа ушел к другой женщине. У него появилась новая семья, родилась дочка Галя, моя сводная сестра, которая стала хорошей художницей по стеклу, весьма известной в Москве.

Папа, который в дальнейшем тоже получил специальное образование в этой области, помогал ей в работе. С Галей мы позже подружились, потому что дети уж точно ни в чем не виноваты. Сейчас, когда я вижу на экране телевизора бесконечные передачи о том, как взрослые люди обнаруживают, что у их отцов были другие женщины и другие дети, мне хочется сказать: «Так в чем же дело? Дружите! Это же ваши родственники по крови, ваши сводные брат или сестра». Но конечно, когда папа нас бросил, это было для меня большой болью, страшным горем.

После ухода отца мама много плакала при мне. Садилась в угол и рыдала. Мама была очень слабой, совсем по-женски слабой. И она не скрывала от меня эту слабость, не пыталась сдержаться, спрятать свою боль.

Те годы, когда с нами не было папы, запомнились мне каким-то смутным ощущением не то чтобы несчастья, но сильной тревоги и неблагополучия. В то время я часто оставалась дома одна. Мама работала в типографии корректором (ее отличала врожденная грамотность, которая есть и у моего сына – он не знает никаких правил, но при письме не делает ошибок). Работала много, с ночными сменами. Осталось чувство, что она была редким гостем в нашей комнате, все время работала, работала, работала.

Ночи, в которые мама работала, были очень тревожными. Я совершенно одна просыпалась в огромной пустой комнате и шла к окну, из которого были видны обелиск и большая площадь. Однажды я увидела, как через площадь проходили стройными рядами солдаты. Может, поэтому позже мне приснился страшный сон, который до сих пор стоит у меня перед глазами. Вижу эту площадь, и по ней справа налево идет группа солдат – пятнадцать-двадцать человек. Они пересекают площадь и выходят налево, на Тверскую. А за ними одиноко бредет мама. Во сне я не понимала, почему она уходит. А она шла за ними следом, в какой-то момент догоняла их, приближалась к группе вплотную, растворялась среди серых шинелей и уходила с площади вместе с последним рядом. Я со страхом наблюдала за ней, смотрела на все это и кричала: «Мама, мама!» Столько лет прошло, а до сих пор помню, какой переживала ужас оттого, что она уходит и я остаюсь одна. Я проснулась тогда с тяжелым сердцем и с облегчением поняла, что это сон. Но этот жуткий сон повторялся потом снова и снова. Наверное, так выражалось то ощущение неблагополучия, с которым я тогда жила.

Зато я очень радовалась, когда мама приносила домой свежестопеченные книжки и читала их мне вслух. Это было огромное счастье. Отлично помню, что среди прочих детских книжек у меня были и любимые «Три толстяка» Олеси.

Мама любила музыку, безумно любила меня, но была совершенно равнодушна к внешней стороне быта. Я помню, у нее было платье – вполне симпатичное, но в одном месте как-то тянуло. Она решила проблему по-своему: просто взяла ножницы, обрезала его и подрубала. А мне было ужасно жалко, что она с этим платьем так безжалостно обошлась. Маму никогда не интересовали ни наряды, ни прически, у нее не было ни колец, ни серег. Из украшений помню разве что какие-нибудь дешевые бусы. Даже папа однажды в сердцах ей попенял: «Ну, ты бы хоть прическу сделала». И еще она была равнодушна к излюбленному дамами уюту. Не помню, чтобы она делала попытки украсить квартиру, радовалась бы какому-нибудь новому приобретению, обстановке, вещам. Как-то раз ко мне пришли знакомые, посмотрели вокруг и сказали: «И ты здесь живешь?..» В ту пору у нас уже была хорошая квартира в три комнаты на Покровском бульваре, но в ней стояли случайные шкафы, невесть откуда взявшийся стол,

кажется, оставленный за ненадобностью другими жильцами. Получается, что мама просто не умела вить гнездо. Не знаю: может быть, у нее и не было художественного вкуса, а может, ей это было совсем не нужно. Или же она была просто дочерью своей эпохи: революции, перемен и безвременья. Да, в нашем доме были вещи из хрусталя, но только те, которые привозил с завода папа. Это были образцы, которые оказались не нужны. У меня до сих пор что-то из всего этого «великолепия» осталось. Но большую часть мы раздали. Есть у меня и хрустальная ваза, которую подарил Святослав Рихтер. Она не представляет для меня ценности как изделие. Дорога мне как подарок от человека, которого я уважала. А значит, я не сильно отличаюсь в этом вопросе от своей мамы.

В какой-то момент, совсем неожиданно, папа к нам вернулся. Но своей второй семье – Полине и Гале – он был очень предан, никогда о них не забывал. Как воскресенье, так папа туда. Это продолжалось до конца его жизни. И мама прекрасно знала, куда он уходит. Он брал с собой какой-нибудь подарок или покупал торт «для внука», который в той семье родился, и отправлялся к ним – в свою другую жизнь. Я не думаю, что он ходил к Полине, скорее – к дочери и внуку. Он вообще больше, как мне кажется, никаких романов на стороне не заводил. По крайней мере, я об этом ничего не знала. Хотя, думается, если бы и знала, отнеслась спокойно. Но мама... Она очень болезненно это все переживала.

А мне было страшно за нее обидно, невыносимо видеть ее слезы. Я ее очень жалела и сочувствовала ей. Помню, что из-за этого я однажды крайне некрасиво себя повела. Когда мама в очередной раз лежала и плакала, я, глядя на нее, не выдержала и сказала отцу: «Папа, уходил бы ты от нас совсем! Мама так мучается. Уходи совсем!» До сих пор помню, как я это произнесла. А была я тогда уже совсем взрослой, шел тогда, кажется, 1948 год. Отец в ответ промолчал, но как-то сразу замкнулся и изменил отношение ко мне из-за того, что я так жестко себя повела. Наверное, почувствовал, что надо как-то аккуратнее вести свои личные дела. Мне же до сих пор совестно, что однажды прогнала его из дома.

И сейчас, когда родителей уже нет в живых, когда нельзя ничего исправить и некого винить, мне зачастую приходится себя поправлять, останавливать, заставлять задумываться над тем, что я делаю. Так, когда мама умерла, я повесила на стену ее портрет, на котором она совсем молодая, лет восемнадцати, еще в гимназической форме. А фотографию отца не повесила. Не захотела. А потом мне пришлось напоминать себе, что он был достойным человеком: собранным, преданным делу, работе, товарищам (кстати, товарищи его любили), ответственным, серьезным, настоящим.

Я так и не знаю, почему он от нас не ушел сразу и навсегда. Думаю, едва ли опасался за свое положение. Ярлык «бросившего семью» ему не грозил. Тогда не очень серьезно к этому относились. Все сходились и расходились легко. А с мамой они с самого начала даже не оформили отношения официально. Это случилось только за несколько лет до папиной смерти просто потому, что папа не хотел сложностей с завещанием и с другими формальностями. Со стороны родителей это был сугубо практический шаг. До этого они не являлись по закону мужем и женой, хотя мама носила фамилию отца. Во времена их молодости, в начале 20-х годов, такое было возможно и часто практиковалось.

Два слова о религии

Родители были абсолютно далеки от религии, и мои отношения с Богом – это прежде всего воспитание. Оно началось с домработницы, которая появилась в доме, когда папа от нас ушел. Денег у мамы почти не было, но нам нужна была домработница, чтобы присматривать за мной и за домом, пока мама зарабатывала деньги. И вот однажды мама пришла домой, а я стою на коленях и молюсь. Мама удивилась: мы с ней до этого вообще ни разу не говорили о религии. Она спрашивает: «Ира, что ты делаешь?» А я отвечаю: «Мы с домработницей в церковь ходили, я Боженьке кланяюсь». Мама устроила домработнице целый скандалчик, хотя это было не в ее правилах. Но при этом не уволила, просто сказала, чтобы больше такого не повторялось. Домработница маму не слушалась и в церковь меня больше водить не пыталась. Поэтому я все про Боженьку благополучно забыла – для меня это была просто какая-то игра, а не вера, не истина.

Я так и не смогла стать религиозным человеком, как это произошло с некоторыми моими приятельницами, особенно в 90-е годы, когда они все вдруг надели крестики. Если честно, то для меня это было потрясением. Помню, я приехала в Гурзуф, в дом творчества художников¹, в который ездила отдыхать много лет подряд. Там по чудной узкой набережной постоянно гуляют люди. И вижу, что мне навстречу шествуют девочки в бикини и у всех на шее болтаются крестики – как обязательное украшение. С наступлением темноты, часов в девять вечера, они набиваются в вагончики, где крутят фильмы. В основном какое-то откровенное порно. И вот с этими крестами они сидят и смотрят порнографию, даже не задумываясь, словно в порядке вещей.

¹ Имеется в виду Дом творчества им. Коровина. – *Здесь и далее примеч. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.